
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ АМИНА ВОЛКОВА
Измена мужа.
Ты украл мою карьеру, но влиятельный мужчина уничтожил твою империю!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты украл мою карьеру, но влиятельный мужчина уничтожил твою империю!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты украл мою карьеру, но влиятельный мужчина уничтожил твою империю! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж подделал мою подпись под документами о пропавших наркотических препаратах. Теперь он требует молчать, грозит тюрьмой и обещает отнять Лизу — девочку, которую я растила как родную дочь.Квартиру он уже продал, карьеру хирурга уничтожил, а любовницу поселил рядом с собой.Когда я остаюсь без всего, появляется Марк Крон.Опасный, влиятельный мужчина предлагает сделку: помочь разоблачить моего мужа, причастного к смерти его сестры.Но Марк тоже привык управлять людьми и назначать цену за спасение.Я должна вернуть дочь, доказать невиновность и снова стать врачом.Только кому можно доверять, если каждый защитник хочет получить власть надо мной?И выбрать любовь самой.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Марина Ветрова, Амина Волкова Измена мужа. Ты украл мою карьеру, но влиятельный мужчина уничтожил твою империю!

Глава 1

До стола Григория оставалось четыре шага. На ковре их не было слышно, и я вдруг пожалела, что пришла не в своих рабочих сабо: в них я хотя бы знала, как подойти к человеку без спроса. Здесь пахло его сандаловым парфюмом. С утра этот запах ещё был привычным. Сейчас от него сводило скулы. Я остановилась напротив мужа и ждала, когда он уберёт руку с папки.

На столе из красного дерева лежала картонная папка с моим именем на корешке. Рядом — акт списания. Я читала названия препаратов сверху вниз, надеясь наткнуться на то, чем действительно работала. Анестетики, наркотические анальгетики; против каждой партии стояла моя подпись. Столько ампул я и в руках не держала. Зато росчерк узнала. До последнего завитка.

— Объясни мне это, Гриша. — Пришлось откашляться и повторить громче: — Гриша!

Подойдя вплотную к столу, я потянула акт за нижний край. Его ладонь всё ещё лежала на папке.

— Здесь подписи. Мои подписи. Но я не брала эти ампулы. Никогда.

Григорий продолжал смотреть в монитор. Подтянул узел шёлкового галстука; точно так же он делал перед приёмом особо важного пациента. Я знала, что он слышит. Хотелось наклониться и закрыть ему экран, заставить наконец посмотреть на бумаги между нами. Вместо этого я прижала ладонь к столу.

— Техническая ошибка, Алиса. — Он поднял глаза от монитора и подвинул акт обратно на середину стола, вынудив меня выпустить угол. Пациенту он сперва предложил бы сесть. Мне стула не предложил. — Клиника теряет репутацию, если аудит найдет несоответствия. Нам нужно просто... исправить документы. Для общего блага.

— Исправить? — я усмехнулась, но смех вышел нервным, ломким. — Ты хочешь, чтобы я взяла на себя уголовку за твои махинации с лекарствами? За то, что ты сливаешь товар налево через подставные фирмы? Я хирург, Григорий. У меня лицензия. Я пойду в полицию. Прямо сейчас.

Я развернулась к двери, готовая сорваться с места, но услышала щелчок. Не дверной замок. Кнопка на столе.

Григорий спокойно повернул к себе маленький черный диктофон. Красный огонек уже горел.

— Пойдешь, конечно, — сказал он мягко, даже ласково. — Только вот вопрос: кто будет первым в клетке? Ты или твоя «серая» история с тремя операциями на дому в две тысячи девятнадцатом году? Помнишь их? Я помню каждую минуту. У меня есть чеки, свидетели, записи камер из подъездов тех клиентов. Они ждут только одного звонка от меня.

Зубы стукнули, и я зажала рот ладонью. Три операции. Я не забыла ни одной, просто привыкла думать о них отдельно от Григория: людям требовалась помощь, денег на клинику у них не было, и я помогла. О том, откуда у мужа записи из чужих подъездов, спросить не успела. Он уже смотрел на меня так, будто услышал признание.

— Это была помощь, а не преступление! — выкрикнула я.

— Это было нарушение закона, Алиса. И я контролировал каждый твой шаг. Даже тогда, когда ты думала, что действуешь самостоятельно.

Мне нужен был телефон. Пока я ещё стояла здесь и могла позвонить, пока он не успел назначить мне следующий выбор. Я проверила карман пальто и тут же отдёрнула руку: Григорий заметил. Пришлось говорить прежде, чем я придумала, чем именно его остановлю.

— У меня есть копии всех договоров, Гриша. Если со мной что-то случится...

— Копии? — он перебил меня, доставая из кармана пиджака USB-накопитель. Он бросил его на стол. Флешка стукнула о дерево и остановилась возле моей ладони. Я отдёрнула пальцы, а он уже забрал её обратно. — Ты имеешь в виду видео? Посмотри.

Он подключил флешку к ноутбуку. Экран вспыхнул светом. Там была я. Три года назад. После ночного дежурства, уставшая, пьяная от бокала шампанского, который он сам мне налил, говоря, что я заслужила отдых. На видео мои руки дрожат, я подписываю стопку чистых бланков, не читая их. Григорий стоит рядом, улыбается и говорит: «Подпиши тут, тут и тут, детка».

На видео я послушно убирала лист за листом. Хотелось схватить ту, экранную, за запястье: читай, дура, хотя бы одну строку прочитай. Но строк ещё не было. Чистые бланки. Григорий оставил себе место для чего угодно. Я смотрела на свою улыбку после его «хорошая девочка» и не могла заставить себя поднять глаза на живого мужа.

— Хватит! — я схватилась за край стола, костяшки пальцев побелели. — Дай мне пять минут. Я позвоню адвокату.

Григорий покачал головой.

— Нет времени, Алиса. Следователь уже внизу. В холле. С ним понятые. Если ты не подпишешь этот акт о «добровольном признании ошибок в учете» прямо сейчас, они войдут вдвоем. И тогда разговор будет совсем другим. Пять минут. Тикают часы.

Я посмотрела на дверь. Следователь внизу — это могло быть враньём; только проверить означало выйти прямо к нему. А подпись была вот она, под моей рукой. Я ненавидела себя за то, что уже выбираю между двумя его предложениями. Но ещё можно было выторговать квартиру. Там были мои вещи, мои документы. Лиза знала этот адрес.

— Ладно, — я сглотнула ком в горле. — Я молчу. Я подписываю. Но квартира на Тверской... она моя. Мы купили её вместе. Оставь мне крышу над головой. И доступ к счетам.

Григорий рассмеялся. Тихо, коротко, без веселья.

— Квартира? Алиса, ты живешь в иллюзиях. Та квартира давно продана. Цепочка фирм-однодневок, которыми управляет моя новая ассистентка, Вера. Деньги пошли на развитие сети. Твои деньги. Наш общий бюджет.

Вера. Я вспомнила, как она приносила мне документы, придерживая сверху стикер: «Григорий Александрович просил только подпись». Как оставалась после работы, когда меня уже ждали в операционной. Я принимала это за усердие. Теперь смотрела на акт и пыталась припомнить, сколько таких стикеров прошли через мои руки.

— У тебя нет ни дома, ни работы, ни денег. — Он задержал взгляд на подоле моего пальто, затем посмотрел мне в лицо. — Ты стоишь в моем кабинете в дешевом пальто. Бомж.

Губы онемели, и я прикусила нижнюю, чтобы суметь ответить. Ручка лежала между нами, тяжёлая, металлическая. До его лица было меньше метра. Взять её и ударить. Разбить нос, губы — пусть хоть раз он зажмёт рот ладонью, а я посмотрю.

Я схватила перьевую ручку, повернула её в кулаке. Григорий следил за этим движением. Я успела поднять локоть.

И тут он произнёс имя:

— Лиза.

Я замерла. Ручка дрогнула в руке.

Григорий открыл верхний ящик стола и достал фотографию. Моя падчерица. Дочь его первой жены. Шестнадцать лет. Светлые косички, большие глаза, улыбка, которой она научилась у меня. Я опекала её с десяти лет. Я стала для неё матерью.

— Я готов не мешать тебе видеться с дочерью, если ты подпишешь, — сказал Григорий ровно. — Или я напишу заявление об угрозе жизни ребенка со стороны ненадежного родителя. Суд решит быстро. Ты потеряешь её навсегда, Алиса. А она будет жить со мной и Верой. Представляешь картину?

Я смотрела на косички на фотографии. Лиза наверняка уже распустила их: в шестнадцать она терпеть не могла выглядеть маленькой. А он держал старый снимок в ящике, готовый показать в нужную секунду. Даже ребёнка подготовил к этому разговору. Я поднесла перо к листу, чтобы он не видел, как меня трясёт.

— Зачем тебе это? — прошептала я.

— Потому что ты удобна, пока молчишь. И бесполезна, пока говоришь.

Перо зависло над строкой для подписи. Я перечитала её ещё раз, хотя уже знала каждое слово. Подтверждаю. Добровольно. Ошибки в учёте. Из всех этих слов мне принадлежали только имя и отчество внизу. Григорий ждал; я опустила ручку к бумаге и не смогла начать.

Перо зацепилось за бумагу и оставило короткую чёрную царапину. Я попыталась вывести первую букву, как вывожу её в карточках после операции, — привычное движение, ничего трудного. Вместо буквы расползлось пятно. Пришлось прижать запястье к столу второй рукой.

Григорий вздохнул и отодвинул кресло. Я поспешила снова поставить перо на бумагу: сейчас он подойдёт, а мне нужно закончить самой. Чёрная царапина стала длиннее.

Он обошёл стол, остановился у моего плеча. Сандаловый запах перебивал всё; я повернула лицо, пытаясь вдохнуть в другую сторону.

— Давай помогу, — сказал он.

Его рука легла поверх моей. От тепла ладони я дёрнулась сильнее. Он перехватил ручку, зажимая мои пальцы в кулак. Я потянула руку к себе — запястье осталось на столе. Пришлось упереться второй ладонью в край, чтобы он не подвинул меня вместе с рукой.

— Подписываем, Алиса.

Он повёл мою руку по бумаге. Рукав его рубашки тёрся о мою кисть, перо скользило вправо, а я всё ещё тянула влево. Стоило мне задержать движение, Григорий сильнее прижимал пальцы. Так он вывел первую букву моего имени. Дальше оставалось смотреть, как на листе появляется моя подпись.

Когда ручка оторвалась от бумаги, он отпустил меня. Я отшатнулась, ударившись спиной о стену. На листе красовалась кривая, смазанная подпись. Моя.

— Хорошая девочка, — сказал он и отвернулся к окну.

Глава 2

Я вышла из кабинета как в тумане. Коридор клиники был залит стерильным белым светом, который резал глаза. Лифт привез меня вниз. Стальные двери сомкнулись за спиной с глухим стуком, отрезая путь назад.

Первый этаж. Холл.

Там меня ждала Вера. Она стояла у ресепшена, держа в руках небольшую коробку. Мою коробку. Белую, гладкую, с бантом.

— Алиса Сергеевна, — улыбнулась она. Эта улыбка была такой же холодной, как воздух в кабинете Григория. — Ваш работодатель просил передать ваши личные вещи.

Она протянула коробку. Пришлось взять её двумя руками: Вера уже разжала пальцы. Бант мешал снять крышку, и я стянула его через угол. Внутри лежали халат, стетоскоп, фотография Лизы — её он позволил забрать — и ключ. Один-единственный ключ.

Я перевернула его в ладони. Железный, старый, с брелоком в виде рыбки. Ключ от съемной квартиры на окраине Москвы. В районе, где гуляют собаки и фонари горят через один.

— Григорий Александрович позаботился, чтобы вам было куда идти, — добавила Вера, поправляя прядь волос. — Чтобы вы не исчезли совсем. Долг надо возвращать.

Когда я переступила порог, за спиной щёлкнул замок входной двери клиники. Я обернулась: Вера стояла по другую сторону стекла, всё ещё улыбаясь. Я чуть подалась к стеклу, потом остановилась. Что просить у неё — вернуть мне стетоскоп? Он лежал сверху.

Я вышла на улицу. Ноябрьский ветер бил в лицо, заставляя зажмуриться. Я стояла на тротуаре, сжимая в одной руке ключ от чужого, грязного угла, а в другой — коробку с остатками своей жизни. Люди спешили мимо, окутанные шарфами, живые, свободные.

Над клиникой висело серое небо. Я присела, поставила коробку на колени, чтобы поправить выскальзывающий ключ, и обнаружила, что всё ещё помню его пальцы поверх моих. Даже направление, в котором он повёл перо. Он рассчитывал, что я буду вспоминать только свой страх. Но я запомнила и его слова. Всё, вплоть до обещания оставить мне Лизу. Я ещё не знала, куда с этим идти. Зато впервые хотела добраться куда-нибудь дальше его двери.

Такие бумаги, фирмы, записи не собирают в одиночку. У него была Вера, были люди, готовые прийти по звонку. Мне тоже понадобится кто-нибудь. Я прижала коробку к груди, пряча фотографию от ветра. За всё, что он заставил меня подписать, ещё ответит. И за Лизу. Особенно за Лизу.

От дождя разило мокрой пылью и выхлопными газами. Вода уже пробралась под куртку; у ворот ЖК «Аврора» я стояла, прижав локти к бокам, и снова подносила ключ к домофону. Там была моя квартира. В считывателе загорался красный огонёк. Код изменили, когда Григорий подписывал документы о разделе имущества. Разделе — хорошее слово. Мне от этого раздела остались ключи, которые теперь можно было выбросить в лужу.

Охранник, молодой парень с каменным лицом и наушниками в ушах, даже не поднял глаз от планшета.

— Хозяйка, вам сюда нельзя. Приказ владельца.

— Я Алиса Волкова, — мой голос сорвался на хрип. Я протянула ему сумку. — В квартире мои документы. Мне нужно забрать паспорт. И рабочий телефон. Просто дайте мне войти на пять минут.

Он вынул один наушник. Я подалась к калитке, надеясь, что наконец услышал, но охранник потянул ремень сумки на себя, заставляя меня остаться возле будки.

— Проверка безопасности. Все личные вещи сдаются на досмотр. Правила кондоминиума.

— Это грабеж! — крикнула я, но он уже скрылся в будке, хлопнув дверью. Через минуту он вышел, держа мою сумку. Вытащил из неё кошелёк, разложил деньги на стол (мелочь, которая осталась после того, как Григорий перевёл всё на свои счета), забрал и кошелёк, и телефон, а мне вернул пустую сумку.

— Пусто, — сказал он равнодушно. — Уходите.

Ремень пустой сумки лёг на плечо легче, чем раньше. От этого стало особенно противно: кошелёк лежал в будке, охранник видел мои деньги, а я стояла и не знала, что ещё сказать. Кричать «грабёж» второй раз? На первый он даже не ответил. Я вытерла дождь с лица рукавом и осталась у ворот. Без паспорта уйти не могла.

Из тёплого холла вышла Вера. Пальто цвета верблюжьей шерсти, шарф повязан небрежно, волосы уложены в мягкие волны. Даже под дождём укладка держалась. Я убрала со лба прилипшую прядь и шагнула ей навстречу. Вера остановилась, узнав меня, потом опустила глаза и пошла дальше, словно обойти лужу возле будки ей сейчас было важнее.

— Ах, ты ещё здесь? — спросила она, проходя мимо. Она подошла так близко, что сладкий запах пиона перебил даже выхлопы. Те же духи, с которыми Вера входила ко мне в ординаторскую, принося бумаги на подпись.

Я схватила её за рукав пальто. Ткань была мягкой, почти живой под моими замерзшими пальцами.

— Где Лиза? — потребовала я. — Скажи правду. Ты знаешь, где ребёнок.

Вера дёрнулась, вырывая руку. Брезгливо отряхнула ткань, будто я испачкала её грязью.

— Она тебя забыла, Алиса. Серьёзно. Григорий сказал ей, что ты больна. Что ты опасна. Она не спрашивает о тебе. Для неё ты теперь никто. Просто тень в коридоре.

— Лгунья! — закричала я, но она уже нырнула в чёрный внедорожник Григория, который ждал у паркинга.

Машина покатилась к выезду. Я побежала за ней, спотыкаясь о лужи, и у шлагбаума догнала, ударила кулаком в тонированное стекло.

— Григорий! Открой! Лиза! Позволь мне увидеть её!

Стекло опустилось. Ровно на сантиметр. Щель, через которую пахло сигаретами и дорогой кожей. Григорий повернулся ко мне, оставив руку на кнопке стеклоподъёмника. Я наклонилась к щели: слышать его всё равно нужно было, иначе он уедет, а я так и останусь кричать имя Лизы вслед машине.

— Ты выглядишь жалко, детка, — произнёс он тихо, но в шуме дождя это было слышно идеально. — Иди домой. Или не иди. Мне всё равно. Но если ты ещё раз появишься в этом дворе, я вызову полицию. За вторжение в частную собственность. А ты знаешь, чем закончится суд для женщины без лицензии и без имени.

Стекло поднялось. Машина уехала, оставив меня в облаке горячего воздуха и грязи.

Мои руки дрожали. Я достала запасной телефон, купленный вчера на последние наличные, и набрала номер школы Лизы. Частная гимназия. Дорогая. Безопасная. Для Григория.

— Здравствуйте, я мама Лизы Соколовой. Можно ли говорить с директором или узнать расписание занятий?

Женский голос на другом конце провода был вежливым и абсолютно безразличным.

— Простите, но мы не предоставляем информацию о третьих лицах. Согласно закону о защите персональных данных...

— Ей нужна помощь! — повысила я голос. — У неё могут быть проблемы со здоровьем, я врач, я должна знать...

— Если у вас есть официальные запросы от опеки или суда, предоставьте документы. Иначе разговор окончен.

Гудки. Резкие, короткие.

Через минуту пришло SMS с неизвестного номера: «Не звони сюда. Или я переведу Лизу в интернат за городом. Без связи. Твой выбор».

Я прочитала сообщение три раза, затем сверила время со звонком в гимназию. Минута. Всего минута — и он уже ответил вместо директора. Они следили за мной. Даже этот телефон, на который я надеялась, пришлось держать так, чтобы никто не видел экран. Я спрятала его под куртку: сейчас хоть от дождя укрою.

Домой возвращаться было некуда. Съёмная хата на окраине, которую я снимала последние два дня на остатки наличных, стала последним убежищем. Но и оно рушилось.

Хозяйка, женщина лет пятидесяти с красными глазами и запахом дешёвого табака, встретила меня на лестнице.

— Деньги, — сказала она коротко.

— Я найду завтра, — начала я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Мне просто нужно пару дней...

— Нет. Карта заблокирована, переводы не идут. Ты мне задолжала за месяц вперёд. Или платишь сейчас, или вещи на улицу.

Она не ждала ответа. Просто открыла дверь, схватила мою сумку, пакет с бельем и коробку с книгами, которые я спасла из квартиры, и выбросила их на лестничную клетку. Книги рассыпались, страницы промокли от воды, натёкшей с моего платья.

— Сваливай, — процедила она и захлопнула дверь. Засов щёлкнул глухо, окончательно.

На ступеньках между моими ногами лежала раскрытая книга. Я закрыла её, но мокрые страницы слиплись, и угол одной порвался под пальцами. Книгу было жаль до слёз. Я пригладила порванный угол: может, высохнет и будет держаться. Всё ещё хотелось хотя бы эту книгу унести целой. Хозяйке хватило одного взмаха, чтобы всё это оказалось на грязных ступеньках. Рядом валялось моё бельё. Я собрала его первой, чтобы никто из соседей не переступал через него, поднимаясь домой. Потом сидела и плакала, пока не стало больно глотать.

Глава 3

Сумку пришлось набить до отказа; пакет с мокрыми книгами оттягивал руку. У метро я увидела кафе и вошла, не проверяя цены. На пальцах уже не было чувствительности. Оставшейся по карманам мелочи хватило на булку и чай в бумажном стакане. Я обхватила его обеими руками. Обжигал, но отпускать не хотелось.

Сидя у окна, я смотрела на людей за стеклом. Они хотя бы знали, куда идут. Я не могла решить даже, где проведу ночь.

К моему столу подошёл мужчина в строгом сером костюме, который стоил больше моей прежней месячной зарплаты. Высокий: пришлось задрать голову, чтобы встретить его взгляд. Между нами стоял стол, а мне всё равно захотелось отодвинуть стул. Он остановился у свободного стула, но садиться не стал. Разглядывал меня, пока я прикрывала ладонью телефон. Я ждала, что сейчас велит показать документы.

— Вы Алиса Волкова? — спросил он низким голосом.

— Кто вы?

Он положил рядом со стаканом белую карточку. Только адрес и имя: Марк Крон.

— Григорий думает, что ты сломана. — Он подвинул карточку ко мне, придерживая её пальцем. — Давай его разочаруем. Приходи по адресу, если хочешь жить.

Я посмотрела на его руку. Он убрал палец, оставив карточку мне.

Я ждала продолжения — что он потребует, кем приходится Григорию. Мужчина развернулся и ушёл. Остался запах дорогого табака. Я прижала телефон к ладони, хотя звонить было некому.

Визитка лежала рядом со стаканом. Я переворачивала её, искала номер, название компании, что-нибудь помимо имени и адреса. Усадьба в Тверской области. Человек пришёл ко мне в кафе и велел ехать в лес. Я бы не отпустила Лизу к такому человеку ни за что. А сама разглядывала маршрут: другого адреса, по которому меня ещё ждали, у меня не было.

Марк оплатил такси через кафе. До Твери ехали несколько часов; водитель отказался ехать дальше знаков усадьбы. «Там призраки водятся», — пробормотал водитель, выгружая меня на обочину.

Усадьба стояла в лесу, темная, величественная. Окна первого этажа горели слабым светом. Ворота были приоткрыты.

В доме пахло старой древесиной и воском. Я остановилась за порогом, прислушиваясь: ни голосов, ни шагов. Из гостиной падал свет камина. Перед ним стоял массивный дубовый стол, на столе — папка.

Я подошла и положила ладонь на обложку. Ни имени, ни номера, в отличие от папки Григория. Ногтем подцепила край и открыла, прежде чем успела себя остановить.

Фотографии. Лиза. Много фотографий. Разные ракурсы, разные дни. Девочка играет в саду, ест яблоко, смеётся. Но на каждой фотографии глаза ребёнка закрыты широкой черной полосой цензуры. Кто-то следил за ней. Кто-то видел её такой, какой я не могла видеть последние дни.

Под фотографиями лежал конверт. Внутри — чек на крупную сумму. И записка, написанная аккуратным почерком:

«Это аванс за твоё молчание. Григорий убил свою первую жену. Я знаю, потому что это моя сестра. А ты была свидетельницей, которую он стер из памяти. Теперь твоя очередь вспомнить».

Слово «сестра» я прочитала последним, хотя оно было посреди записки. Вернулась к началу. Первая жена Григория. Он говорил, что она ушла к другому и что обсуждать её нельзя:

наркоманка, истеричка, незачем пачкать нашу жизнь. Теперь чужой человек писал «убил». Я держала лист за два угла, не решаясь положить обратно.

«Стер из памяти». Я прочитала это и сразу захотела отодвинуть записку. Точно такое же желание возникало, когда мне снились свет, крик и падение. Я пыталась увидеть комнату целиком, но вспоминала только запах крови и пальцы Григория на плечах. Он шептал: «Никого не было. Ты ничего не видела. Ты больна». Я столько раз слышала это от него, что научилась просыпаться с извинением.

Я положила записку поверх фотографий. Теперь стало понятно, зачем Марк искал меня. Лиза на снимках, чек в конверте, адрес без телефона — он тоже приготовил разговор заранее. Только говорил не о моей вине, а об убийстве его сестры. Мне предстояло вспомнить то, за что Григорий объявил меня больной.

За спиной щёлкнул замок.

Я обернулась. Тяжёлая дубовая дверь усадьбы была закрыта; в бронзовых ручках мелькнул отблеск огня. В глубине комнаты было темно; горел только камин, и тени от него плясали по стенам.

Кто-то был здесь.

Я прижала записку к столу, накрыв ладонью слово «свидетельница». Свет, крик, падение — сейчас я узнаю, что было потом. Всю дорогу сюда я хотела этого. Теперь хотелось, чтобы человек за спиной помедлил хотя бы секунду.

На следующий день мы вернулись в Москву обсудить условия сделки. Телефон в моём кармане завибрировал так, что я едва не выронила его на грязный кафель кафе. Дешёвая «нокиа», купленная за последние монеты в переходе метро, была единственной ниточкой, связывавшей меня с миром живых людей. И этот мир только что решил меня убить.

На экране светилось имя: Григорий.

Марк размешивал сахар в остывшем кофе. Ложка не стукнула о край ни разу. Я бы сейчас разлила полчашки, а он смотрел на меня и ждал, что я сделаю с телефоном. Серые глаза. Мне хотелось попросить Марка говорить с ним вместо меня. Но тогда муж сразу узнает, насколько я боюсь даже принять вызов.

Я взяла трубку. Пальцы дрожали, но голос вышел ровным, почти механическим.

— Алиса? — Григорий говорил тихо, ласково, и от этой ласки по спине пробежал холодок, будто кто-то провёл по позвоночнику ледяной иглой. — Я знаю, где ты. Знаю, с кем. Этот нищий инвестор... он не сможет защитить тебя от закона, детка.

В трубке щёлкнуло. Я представила дверь школы Лизы: Григорий мог уже стоять там.

— Если ты не вернёшься домой сегодня же, на коленях, со слезами раскаяния, — продолжил Григорий, наслаждаясь каждой паузой, — я расскажу директору о твоих проблемах с психикой. О том, как ты бросила дочь. Ты потеряешь даже право видеть её по выходным. Совсем. Навсегда.

Я представила Лизу у школьных ворот. Рюкзак на одном плече, телефон в руке: ждёт, когда можно будет позвонить, и не знает, что отвечать отцу. Я упёрлась ногтем в край чашки, удерживая её на блюдце. Если начну оправдываться перед Григорием, он услышит мой страх. Если сброшу, не узнаю, что он сделает дальше.

На столе рядом с контрактом лежали тяжёлые старинные ключи. Я подвинула их к себе, не выпуская телефон. Григорий всё ещё говорил мне в ухо, что делать и куда возвращаться. Ключи хотя бы можно было забрать. Хотелось услышать, как один из них повернётся в замке, за которым муж останется снаружи.

— Ты знаешь, что она умрёт без тебя, Алиса, — шептал Григорий. — У неё не будет ни денег, ни крыши, ни имени.

Я молчала три секунды. Четыре. Пять.

Потом я сбросила вызов.

Григорий исчез с экрана. Я ещё держала телефон у уха, словно могла услышать, чем заплачу за сброшенный вызов. Потом положила его рядом с ключами. Те пришлось взять обеими руками: пальцы не разжимались сразу. Марк не спросил, почему я отключилась. Лучше бы спросил. Тогда я могла бы объяснить, что это не смелость и что мне всё равно страшно за Лизу.

Марк не сказал ни слова. Он лишь забрал контракт обратно, перевернул страницу и положил перед собой ручку.

— Условия простые, — произнёс он наконец. Голос был низким, бархатным, но в нём не было тепла. Ни капли. — В усадьбе нет прислуги, которая будет исполнять твои прихоти. Нет камер наружного наблюдения для развлечений. Есть система безопасности, которая не пропустит ни муху, если я не дам отмашку. Но есть и другое правило.

Он поднял взгляд, и я перестала теребить край контракта. До этого ещё можно было смотреть на строки, выискивать оговорки. Теперь он ждал, что я отвечу на условия ему, а не бумаге.

— Если ты попытаешься сбежать. Или свяжешься с ним напрямую без моего ведома. Контракт аннулируется мгновенно. Ты останешься на улице навсегда — без денег, без защиты, без надежды. Это ловушка, Алиса. Но та, из которой ты пришла, убивает медленнее.

У Григория я уже знала все условия: подпись, молчание, ещё одна подпись. Здесь их пока читали с листа. Я смотрела на ручку перед Марком и пыталась рассмотреть, где заканчивается его месть и начинается моя возможность увидеть ребёнка. Он не обещал мне доброты. Может, поэтому пока удавалось слушать.

— Я буду твоей приманкой, — сказала я. На слове «приманка» хотелось отодвинуть контракт, но руку я оставила на столе. — Но не твоей вещью. Запомни это, Марк.

Он чуть склонил голову, признавая мой маленький бунт.

Глава 4

Мы вышли из кафе. Солнце било в глаза, резкое, ноябрьское, равнодушное к моим бедам. На пороге нас ждал сюрприз.

Охранник Григория. Крупный мужик в кожаной куртке, с характерной родинкой на подбородке. Он перегородил дверь, скрестив руки на груди. Его лицо было маской вежливого презрения.

— Извините, девушка, — протянул он, глядя на меня поверх очков. — Проверяем документы. Вы же знаете, как сейчас опасно ходить одним. Григорий Александрович просил передать привет. И спросить, не забыли ли вы паспорт. Тот самый, который он вам дал на время брака.

Женщина с пакетом остановилась возле кафе. Посмотрела на охранника, потом на меня. Я хотела показать ей документы, объяснить, что я не воровка, — и вдруг поняла, что именно этого от меня ждут. Чтобы вытряхивала сумку на тротуаре и доказывала, что имею право стоять здесь. Я убрала руку с застёжки.

Щёки горели. Я упёрлась взглядом в родинку на подбородке охранника: если посмотрю на прохожих, заплачу. Марк оказался между нами раньше, чем я успела отступить. Мне было противно, что стало легче. Минуту назад этот человек назвал меня приманкой, а сейчас я пряталась за его плечом.

Марк остановился в полуметре от охранника. Тот был шире в плечах, зато теперь ему пришлось поднять подбородок, чтобы смотреть Марку в лицо. Я осталась совсем рядом: от пальто пахло дорогим табаком, и можно было прятаться за ним ещё секунду, пока перестану судорожно цепляться за сумку.

— Уходи, — сказал Марк. Тихо; я едва расслышала за шумом улицы. Охранник расслышал. Он ещё мгновение держал руки скрещёнными, но уже смотрел мимо Марка, на дверь кафе. Потом буркнул что-то неразборчивое и шагнул в сторону. Проход освободился. Перед той же женщиной с пакетом, которая только что ждала, когда я начну оправдываться.

Я прошла мимо, не оглядываясь. Но спиной чувствовала чужие взгляды. На оправе очков охранника блеснуло крошечное стекло. Камера? Я невольно закрыла лицо ладонью. Даже если он просто проводил меня взглядом, я представляла за ним Григория.

Машина Марка была чёрной, матовой, без опознавательных знаков. Внутри пахло кожей. За закрытой дверцей голоса прохожих сразу стихли, и я убрала ладонь от лица. До Тверской области мы ехали три часа. Марк молчал; я несколько раз поворачивалась к нему, собиралась спросить о Лизе и опять смотрела в окно.

Я крутила в пальцах край юбки, пытаясь понять мотивы человека, который спасал меня не из доброты, а ради игры.

— Что ты хочешь от Григория? — спросила я, когда пейзаж за окном сменился на бесконечные поля и редкие берёзы. — Деньги? Месть? Власть?

Марк не повернул головы. Он держал руль так же спокойно, как чашку в кафе. Я смотрела на его пальцы и злилась: почему от этого вопроса трясёт только меня?

— Он забрал то, что было моим по праву крови, — ответил он загадкой, которая не сулила ничего хорошего. — Ты просто инструмент вскрытия, Алиса. Не более того.

«Инструмент вскрытия». Я подцепила пальцем нитку на шве юбки и потянула так, что ткань собралась. Вот и ответ. Сестру он мне уже назвал, теперь назначил место рядом с ней — между ним и Григорием. Я прикусила губу, чтобы не спросить, зачем возвращаюсь в его дом. Сначала узнаю, что он знает о Лизе. Уйти можно только туда, где её не потеряю окончательно.

Усадьба возникла из тумана внезапно, будто выросла из земли за одну секунду. Старинный кирпич, облупившаяся штукатурка, высокие окна, темнеющие, как закрытые глаза. Ворота открылись сами собой, скрипнув железом.

Дом встречал нас холодом. Внутри пахло плесенью, старой бумагой и странным, сладковатым ароматом дорогих духов, которые давно выветрились, но оставили привкус гнили.

Мы прошли в гостиную. Пустую, заставленную мебелью, накрытой чехлами. Единственным незакрытым предметом был стол посреди комнаты. На нём лежала фотография.

Старая, потрескавшаяся по краям. На ней молодая женщина с мягкими чертами лица и печальными глазами держала за руку маленькую девочку. Девочка смеялась, показывая молочные зубы.

Я взяла фотографию за потёртый угол. Лиза в детстве. Линия подбородка, улыбка с просветами между молочными зубами — ошибки быть не могло. Я держала в руках кусочек её жизни, в котором меня ещё не было. Захотелось перевернуть снимок, посмотреть, подписан ли год. Но Марк стоял рядом; я положила его обратно так, как он лежал.

Первая жена Григория. О её исчезновении десять лет назад я смутно помнила из светских хроник. На снимке осталась не героиня старой новости, а мать Лизы. Я задержала палец у потёртого уголка: надо было расспросить о ней раньше, когда муж ещё отвечал мне, пусть и ложью.

Марк стоял у окна, глядя в сад. Я посмотрела на его отражение, потом опять на снимок. Он оставил его на единственном открытом столе в этой комнате. Знал, что я узнаю ребёнка.

Я ничего не сказала. Марк знал, чей это ребёнок. А я разглядывала лицо женщины, которую Григорий научил меня считать виноватой во всём. На фотографии она крепко держала Лизу за руку. Совсем не похоже на мать, легко бросившую дочь.

Ночь прошла плохо. Кровать была широкой, холодной, а тишина давила на уши, звеня в голове. Я не могла уснуть, ожидая удара. Любой шорох казался шагом Григория.

В три часа ночи шум внизу заставил меня сесть. Сердце колотилось где-то в горле. Я тихонько спустилась по лестнице, боясь скрипа половиц.

Марк стоял на террасе, ведущей в сад. Телефон у уха, голос приглушённый, но в ночной тишине слышный отчётливо.

— Она слишком хрупкая для этого, — шептал он. Я услышала именно эти слова. — Если сорвётся, мы потеряем всё. Да, я понимаю риски. Но она не оружие. Она мишень.

Я ухватилась за перила. «Хрупкая». Он не говорил этого мне в лицо, зато ночью уже обсуждал с кем-то, когда я сорвусь. Мне захотелось выйти и показать, что я всё слышала. Пришлось вцепиться в дерево крепче. Пусть лучше ещё некоторое время считает, что я сплю.

Вернувшись в комнату, я легла на кровать и уставилась в потолок. Глаза жгло; стоило моргнуть, и слёзы стекали к ушам. Пусть Марк считает меня хрупкой. Дрожь даже изображать не придётся. Зато утром он не узнает, что я слышала разговор. Я буду смотреть вниз, слушать и запоминать, пока не найду способ выжить сама. И не пойму, что они прячут в этих стенах.

Утро встретило меня серым светом и запахом свежего кофе, который Марк приготовил сам. Простая жестяная банка, электрическая турка. Никакой роскоши. Только функциональность.

Он сидел за столом, листая планшет. Перед ним лежали бумаги. Дополнительные соглашения. Конфиденциальность. Обязательства.

— Подпиши, — сказал он, не поднимая глаз.

Я подошла. Бумаги были сухими, юридически точными, бездушными. Я взяла ручку. Но прежде чем поставить подпись, я заметила экран планшета. Открытый профиль Григория в соцсетях. Свежая фотография. Ресторан. Вера, новая ассистентка, смеётся, держа бокал шампанского. Григорий обнимает её за талию, улыбаясь той самой улыбкой, от которой меня тошнило годами.

Подпись: «Новая жизнь требует новых лиц. Старое уходит в прошлое».

На снимке Григорий держал Веру точно так же, как держал меня перед камерами. Я знаю, куда он ставит ладонь, когда хочет показать всем, что женщина принадлежит ему. Впервые захотелось не отобрать это место, а заставить его убрать руку. Марк смотрел на моё лицо. Я перевела взгляд с экрана на бумаги — пусть не ждёт слёз.

Я поставила подпись. Аккуратно, выведенным почерком. А потом добавила от руки одну фразу под своей фамилией, мелким шрифтом, но чётко:

«За долг молчания я требую право говорить».

Марк забрал бумагу, пробежал глазами по тексту и задержался на моей приписке. Губы дрогнули. Я ждала, что он зачеркнёт её или даст мне новый лист. Но он оставил мои слова рядом с подписью и посмотрел на меня. С уважением, которого я ещё вчера не смогла бы от него потребовать.

— Хорошо сказано, Алиса, — произнёс он тихо. — Но слова стоят дорого. Иногда их приходится платить кровью.

Он убрал планшет в карман и достал из ящика стола тяжёлый, ржавый ключ. Положил его передо мной. Ключ от подвала.

— Григорий любит прятать секреты там, где темно, — сказал Марк, глядя мне прямо в глаза. — Сегодня ночью мы начнём копать. И если ты испугаешься — кричи громко. Мне нравится, когда жертвы живые.

Глава 5

За порогом главной спальни я остановилась. Отсюда хотелось сразу выйти на воздух, как из морга после уборки, хотя пахло только воском и пылью. Ожидала бархата, золота, кружев — всего, чем богатые люди показывают, что им хорошо живётся. Мебель стояла под туго натянутыми белыми чехлами. На кровати можно было спать, но от остального в комнате меня аккуратно отгородили тканью.

Я прислушивалась у порога спальни, прежде чем сделать второй шаг. От тишины подступала тошнота: у Григория она означала, что он ждёт ошибки. Здесь чехлы закрывали даже кресло, на которое можно было положить сумку. Я не знала, разрешено ли их снимать, и злилась на себя за это «разрешено». Комнату дали мне. Почему я стою в ней как в гостях?

У камина стояло зеркало под тканью. Я схватила край и замешкалась: сейчас войдёт кто-нибудь и велит вернуть. Потом дёрнула. Материал затрещал, упал к ногам. Из зеркала на меня смотрела бледная женщина с потрескавшимися губами; тональный крем только подчеркнул синяки под глазами. Я провела ладонью по щеке и посмотрела ещё раз. Хоть это зеркало теперь будет открыто. Смотреть на себя я ещё могла без чужого приказа.

Из коридора донесся скрип половиц. Я обернулась. На пороге стояла Дарья — экономка, которую Марк представил мне коротко: «Она знает историю этого дома лучше, чем ты знаешь свое имя». Дарья была пожилой женщиной с лицом, высеченным из гранита, и глазами, которые смотрели сквозь меня, как через мутное стекло. Она молча внесла чайник и чашку. Поставила их на стол с такой силой, что фарфор звякнул, как выстрел. Чай был слишком горячим, пар бил в лицо, обжигая ресницы.

— Выпейте, сударыня, — произнесла она без интонации. Слово «сударыня» прозвучало как плевок.

Дарья не сводила глаз с чашки в моей руке. Так смотрят, когда ждут, что гость обольётся и начнёт извиняться. Я вдруг разозлилась именно на чай. Мне и правда хотелось пить; вместо этого приходилось думать, как не показать, что здесь меня тоже можно прогнать. Я подняла блюдце, чтобы фарфор не звякал.

Чашка обожгла пальцы. Я переложила её на блюдце, подняла к губам и сделала маленький глоток. Горький, пережжённый чай; Дарья стояла и ждала. Допивать до дна было глупостью, но просить другую чашку не хотелось ещё сильнее. На последнем глотке язык уже почти не различал вкуса. Я поставила пустую чашку и посмотрела на экономку.

— Спасибо, — сказала я тихо, но твердо. — Вкусно.

Экономка вздрогнула и потянулась за чашкой. Я придержала блюдце, пока её пальцы не сомкнулись на краях. Пусть видит: горячим чаем меня отсюда не выкурить. Она развернулась и вышла, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла в окнах. Но я видела её плечи. Они были напряжены. Страх появился у неё, а не у меня.

Ночь прошла плохо. Сон был поверхностным, рваным. Каждое потрескивание дерева в старинных стенах превращалось в шаги Григория. Мне снилось, как он входит в комнату с папкой документов, шепчет: «Ты моя», и просовывает холодные пальцы мне в рот, чтобы заткнуть крик.

В следующую ночь я проснулась в три часа от реального звука. Тяжелые, размеренные шаги в коридоре. Не скрип старых полов, а четкий ритм каблуков по ковру. Кто-то шел к моей двери. Сердце ушло в пятки, ладони стали влажными. Логика подсказывала: Марк охраняет дом, это патруль. Инстинкт выжившей жены садиста орал: это конец. Он нашел меня. Он убьет меня здесь, чтобы улики исчезли вместе с телом.

Я соскользнула с кровати, ноги онемели от холода пола. В руке я сжала тяжелый бронзовый подсвечник, который стоял на тумбочке. Металл давил в ладонь, отдавая болью, но эта боль заземляла. Я открыла дверь.

В коридоре было темно, только луна пробивалась сквозь витражи, рисуя на полу причудливые тени. Шаги стихли. Фигура стояла в десяти шагах от меня. Высокая, широкая в плечах, неподвижная, как скала. Я подняла подсвечник, готовясь нанести удар.

— Опусти оружие, Алиса.

Марк сказал это без раздражения и остался на месте. Я всё ещё держала подсвечник над плечом. Он разглядывал меня с таким интересом, что захотелось ударить уже за этот взгляд: перепуганная женщина с оружием его занимала. Проверял, хватит ли мне злости замахнуться по-настоящему.

— Почему ты не спишь? — спросил он, делая шаг ближе. Запах дорогого табака и мужского одеколона ударил в нос, сбивая с толку.

— Потому что я слышу, как ты ходишь по ночам, как охотник, — выплюнула я, не опуская руки. — Чего ты ждешь? Что я сломаюсь окончательно?

Марк остановился в метре от меня. Чтобы смотреть ему в лицо, пришлось запрокинуть голову. Он мог бы перехватить подсвечник вместе с моей рукой; я уже прикидывала, как отступить к двери. И всё-таки задержалась. Хотелось, чтобы подошёл ближе, — настолько, что я крепче сжала бронзу. Григория я боялась и ненавидела. С Марком собственное тело мешало мне понять, чего я хочу.

— Возвращайся в кровать, — сказал он мягко, почти ласково. — Тебе нужны силы. Завтра будет тяжело.

Он развернулся и ушел, растворившись в темноте коридора. Я осталась стоять с подсвечником в руке, чувствуя, как тело мелкой дрожью реагирует на выброс адреналина. Я не была в безопасности. Никогда не буду.

Утро встретило меня серым светом и запахом свежезаваренного кофе. Марк вызвал меня в свой кабинет. Это была комната с высокими потолками, обшитая панелями из темного дерева. Сам Марк сидел за столом, просматривая какие-то бумаги, не поднимая глаз, пока я не вошла.

— Садись.

На столе лежали два предмета: телефон без сим-карты и планшет.

— Твое задание, — он наконец посмотрел на меня. Взгляд был колючим, оценивающим. — Каждый день ты будешь вести дневник. Все свои действия, мысли, встречи, подозрения. Отправлять мне в конце дня. Это условие нашего контракта.

Я потянулась к планшету и остановилась. Записывать, что произошло, я умела: показания, вмешательство, реакция пациента. Но Марк хотел ещё и мои мысли. Я представила, как вечером он читает, что мне страшно от его шагов, и возвращает отчёт с замечаниями. Я отдёрнула руку от планшета.

— Вы хотите, чтобы я стала стукачем? — уточнила я, скрещивая руки на груди.

— Я хочу, чтобы ты стала полезной, — парировал он. — Без информации ты бесполезна.

«Полезной». Я проглотила первый ответ: он получился бы криком. Подвинула планшет к краю стола, ещё не забирая себе. Прибор как прибор; дело было в том, кто получит мои записи. Я могла отказаться и оказаться за воротами. А могла начать с того, что хозяину этого дома неприятно читать о себе.

— Хорошо, — я взяла планшет. Вес был приятным, твердым. — Но есть нюанс. Если я начну описывать ваши недостатки, ваш характер, ваши методы... это тоже будет частью отчета?

Марк моргнул и замолчал. Я держала планшет, готовая услышать, что за дерзость тоже есть пункт в контракте. Потом уголок его рта дёрнулся вверх. Ему понравилось. Впервые здесь мне удалось задеть его так, что он перестал смотреть на меня как на очередное задание.

— Пиши всё, что хочешь, Алиса. Главное — пиши правду.

Планшет я унесла с собой. Вечером ему придётся прочитать и про себя — это право он только что дал мне сам. Первую фразу отчёта я начала подбирать ещё по дороге к двери.

Глава 6

День протекал в тягостном ожидании. Я блуждала по дому, стараясь запомнить планировку, пути отхода. К двум часам дня раздался звонок в дверь. Не домофон, а обычный, механический колокольчик, который издавал пронзительный звон.

Я открыла входную дверь сама, несмотря на присутствие охраны (которую я слышала в дальних комнатах). На пороге стоял курьер в белой рубашке, держа букет белых лилий.

— Для Алисы, — он протянул цветы и конверт.

Руки мои похолодели. Лилии. Белый цвет траура и чистоты. Григорий.

Я забрала букет, закрыла дверь и вскрыла конверт. Почерк Григория был аккуратным, почти каллиграфическим, таким же холодным, как его объятия.

«С возвращением к нормальной жизни, дорогая. Не забывай, кто платит за твой покой. И помни: стены имеют уши, но у меня их нет. Люблю, Г.»

Я ещё раз прочитала «кто платит за твой покой» и обернулась к закрытой двери. Григорий знал, где я. Утром я вынудила Марка принять мои условия, а теперь стояла с букетом мужа в руках. Он прислал его сюда, будто имел право по-прежнему выбирать мне цветы. Пометил чужой дом, как собака угол. И ждал, что я поставлю его метку в вазу.

Злость ударила в голову, затмив страх. Я понесла букет в гостиную, где у камина стояла корзина для угля. Я выдернула цветы из упаковки. Стебли хрустнули. Я бросила их в камин, где тлели остатки утреннего огня. Пламя жадно лизнуло лепестки, почерневшие, свернувшиеся в труху. Запах горелой зелени смешался с ароматом духов Григория, которые все еще витали в воздухе.

Один лепесток не хотел гореть. Сжался на стебле, почернел по краям и остался белым в середине. Я подтолкнула букет щипцами глубже. Григорий прислал цветы, как будто всё ещё мог решать, что будет стоять в моей комнате. Смотреть, как исчезает последняя лилия, было приятно. От этого не стало безопаснее, зато я больше не обязана была вдыхать её запах.

Чтобы успокоиться, я пошла в библиотеку. Огромное помещение, заваленное книгами, пахло старой бумагой и пылью. Я искала любое занятие, которое вернет мне контроль. Мой взгляд упал на нижнюю полку шкафа, где лежали альбомы с семейными фотографиями. Григорий никогда не любил порядок, поэтому архив был хаотичным.

Я начала листать страницы. Свадьба Григория и его первой жены, Екатерины. Фотографии были старыми, черно-белыми, зернистыми. На одной из них молодая Екатерина держала за руку Григория. Она смеялась. У нее были мягкие черты лица, большие добрые глаза и длинные волосы, собранные в небрежный узел.

И я замерла.

Эта женщина была похожа на Веру. Не близнец, но очень похожа. Та же форма носа, те же изгибы губ. Только у Екатерины взгляд был живым, а у Веры — пустым, кукольным. Вера была копией. Заменой.

Но на следующем снимке, сделанном крупным планом, лицо Екатерины было закрыто жирной чернильной кляксой. Кто-то с яростью, с ненавистью замазал её глаза, рот, нос. Чернила въелись в бумагу, оставив глубокие борозды. Это не было случайностью. Это было желание стереть её из истории.

Я вернулась на свадебный снимок. Екатерина смеялась, Григорий держал её за руку; на следующей странице её лицо замазали. Я перевернула лист туда и обратно, пытаясь понять, был ли здесь тот же человек, за которого выходила замуж я. Хотелось убедить себя, что со мной всё было иначе. Но большой палец уже скрёб кляксу.

Клякса не поддавалась. Я взяла со стола ножницы для резки бумаги и аккуратно вырезала страницу. Свернула фото в тугой рулон, засунула в карман платья и прижала ладонью, чтобы

не торчало. Теперь у меня была улика. Маленькая, грязная, но своя. Уходя от шкафа, я всё ещё держалась за карман: до этого здесь только показывали мне, что считали нужным. Этот снимок я нашла и забрала сама.

Вечером Марк пришел ко мне в комнату. Без стука. Он просто вошел, когда я сидела на краю кровати, глядя в стену. Его силуэт четко выделялся на фоне света из коридора.

— Ты была в библиотеке, — не вопрос, утверждение.

Я не повернулась.

— Искала что-то интересное?

Он подошел ближе. Сел в кресло напротив, вытянув длинные ноги. В полумраке его лицо было непроницаемым.

— Покажи.

Я поняла, что он видит. Или чувствует. Может, камеры? Нет, он сказал «покажи». Я медленно достала свернутый листок из кармана и протянула ему. Марк развернул его. Свет настольной лампы упал на фото. Он долго смотрел на замазанное лицо сестры. Его пальцы, обычно спокойные и уверенные, слегка сжались на бумаге. Белые костяшки.

Тишина была оглушающей. Я ждала крика, запрета, наказания. Ждала, что он заберет улику и выставит меня за дверь.

Но Марк сложил фото и положил на столик. Затем поднял глаза на меня. В них не было гнева. Там была глубина боли, скрытая под слоем льда, и холодный расчет.

— Это была моя сестра, — сказал он ровно. — Екатерина.

Я затаила дыхание.

— И ты права, подозревая меня, — продолжил он, наклоняясь вперед. — Я не спасаю тебя из доброты, Алиса. Я не благотворительный фонд. Я использую твою боль, твою травму, твою ненависть к нему, чтобы вскрыть его гниль. Ты приманка. Наживка на крючке.

Пока Марк говорил, я смотрела на ключицу в вырезе его рубашки. За что-нибудь неподвижное надо было держаться взглядом. «Использую твою боль». Сказал вслух. Я больше не могла делать вид, что неверно поняла. Хотелось отодвинуть кресло вместе с ним подальше от своей кровати. Я выпрямилась на краю кровати, заставив себя снова посмотреть ему в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.